

УДК 304.9

М. П. Король

Иерархия Российских пространств или новые конфигурации неравенства

Аннотация:

Скорость перемен в столицах, крупных индустриальных городах нарастает быстрее, чем в провинции, приводя к гетерогенности формально единого пространства. Модель «ядро – периферия», при всей условности, воспроизводя пространственную и социокультурную дифференциацию, способствует лучшему пониманию разломов и неравенств российского общества. Данная модель экстраполируется на осмысление проблемы использования пространства России как одного из способов, если не разрешения, но смягчения социального кризиса, вызванного целым комплексом факторов общественного развития.

Ключевые слова: пространство, модель «ядро-периферия», центр, провинция, мегаполисы, «болезни городов», пространственная дифференциация, миграция, дезурбанизация.

Об авторе: Король Марина Петровна, доцент, кандидат философских наук, Государственный университет «Дубна», доцент кафедры социологии и гуманитарных наук факультета социальных и гуманитарных наук; эл. почта: marina.korol4@gmail.com

Базовая философская категория «пространство» обладает обобщающим и интерпретационным потенциалом. Существуют различные типологии пространства как многофакторного и многовариантного явления. Так, например, М. Фуко признавался, что планировал написать «целую историю различных пространств (которая одновременно была бы историей различных видов власти), начиная с больших геополитических стратегий и заканчивая мельчайшими тактиками по условиям расселения, историю архитектуры учреждений, классной комнаты или больницы, проходя через способы хозяйственно-политической дифференциации» [8, с. 224]. Он считал, что современную эпоху следует анализировать с позиций пространства, т.е. места и местоположения.

В этой связи, можно обратиться к модели «ядро - периферия», в классическом виде разработанной Джоном Фридманом, которая обладает универсальной экстраполируемостью [11]. При всей условности она, воспроизводя пространственную и социокультурную дифференциацию, способствует лучшему пониманию разломов и неравенств российского общества.

Определим, что под «ядром» мы будем понимать города-миллионеры, назовем их условно мегаполисы. Необходимо оговорить данную условность, поскольку одним из критериев мегаполиса выступает численность населения, чьи параметры варьируются от 25 млн до 10 млн человек. В России только численность Москвы по данным Росстат составляет 12480481, что позволяет отнести ее к категории мегаполисов. Далее следует Санкт-Петербург с населением 5398064 и Новосибирск с населением 1620162 человек [9].

Мегаполисы играют значимую роль исторических, культурных, образовательных и торговых центров региона или страны в целом, они многофункциональны и многопрофильны, имеют развитую сеть социальной инфраструктуры, высокую плотность застройки, наличие одновременно нескольких видов городского транспорта, включенность в общегосударственные транспортные сети. Они как некие анклавности глобальности, где возможности «получить доступ к социально значимым ресурсам (источникам дохода, рабочим местам, инфраструктуре, институтам и сервисам, общению, групповой поддержке) существенно превосходят даже те социальные пространства, которые непосредственно окружают мегаполисы» [2, с. 46]. Мегаполис представляет собой многослойное пространство «встречи акторов из различных миров, в котором нет жестких правил взаимодействия» [6, с. 92].

Таким образом, мегаполис – это пространство, которое представляет собой некий индикатор внутренних конфликтов и различий, где социальная жизнь структурируется потоками людей, денег, товаров, информации, «а условия жизни в отдаленных городах и селах, не вовлеченных в сети и потоки, настолько радикально отличаются, что делают их внеглобальными или антиглобальными социальными пространствами» [2, с. 46]. Поэтому можно констатировать, что периферия, как многомерное пространство, состоящая из жителей сел, малых и средних городов, малых территорий внегородской России – это «совокупность территорий, находящихся на достаточном удалении от административно-политического и культурного центра (центров) государства, а также точек инновационного экономического роста и несущих на себе отпечаток зависимости и вторичности в воспроизводстве социальных практик и отношений» [5, с. 61].

Однако процессы современной социокультурной динамики изменяют традиционное представление о периферии как пространстве, только ограниченном потоками материальных и социальных благ, открывая новый ракурс неравенства, темпорального неравенства. Фокус анализа смещается с традиционного количественного разрыва между «имеющими больше» и «имеющими меньше» в направлении временного лага между «получающими сейчас» и «получающими позже». Эти временные лаги дифференцируют доступ к материальным, человеческим и символическим ресурсам и в особенности к такому символическому ресурсу, как престиж опережающего потребления» [3, с. 134, 136].

Трансформации социально-хозяйственных структур российской провинции наглядно демонстрирует смену парадигм развития многих сельских территорий. Поселенческая наполненность сел и деревень ослабевает, заброшенные деревни с малым количеством постоянных жителей или даже вовсе без них, разрушенные и сгнившие крестьянские дома, заросшие подлеском поля и брошенные фермы стали неотъемлемой частью местных ландшафтов. Безусловно, распад территориальной структуры уходит своими корнями еще в советский период, когда в процессе активной урбанизации шел отток населения в растущие города, и центростремительная миграция лишь усилилась в постсоветское время.

Разделение России на «ядро» и «периферию» или «центр» и «провинцию», строится на их противопоставлении друг другу и традиционно воспринимается массовым сознанием россиян, поскольку большая их часть – жители провинции. Однако можно заметить, что острота этого противопоставления начала нивелироваться с 1990-х гг. вследствие ряда факторов: роста трудовой мобильности россиян, развитием новых макрорегиональных центров экономического роста, таких, например, как Санкт-Петербург, Краснодар, и конечно же с развитием информационных технологий и Интернета, которые создают единое информационное пространство.

Между тем, социокультурные реальности информационного общества формируют у россиян представления о неравномерности и неоднородности пространств России «уже не в терминологии системного конфликта, а в понятийных конструктах жизненного успеха и шансов его достижения – как с точки зрения их неравенства для жителей «центра» и «провинции», так и в отношении возможностей, которые мегаполисы предлагают всем амбициозным провинциалам» [5, с. 62].

В каком городе в нашей стране лучше всего развивать собственную карьеру? Сервис «Работа.ру» представил данные проведенного опроса: 59% респондентов, вне всякого сомнения, высказались по поводу столицы нашей родины Москвы. Санкт-Петербург – 32%. Краснодар и Сочи вместе набрали 50%. Далее целая группа городов: Екатеринбург, Казань, Новосибирск, Ростов, Нижний Новгород, Самара – от 20 до 10%. В эту группу попал и Хабаровск [7]. И хотя миграция – это «неизбежное следствие современного образа жизни с его извечной заботой о порядке экономического прогресса; эта забота оборачивается непрерывным производством «избыточных людей», которым не находится работы или терпимых условий жизни, а потому вынуждены искать убежища или лучшей доли вдали от дома» [1, с. 81].

К причинам интенсификации территориально-образовательной и трудовой мобильности из провинции в крупные города можно отнести: узость рынков труда, низкий уровень зарплат в большинстве отраслей региональных экономик, проявления клановости, неудовлетворенность условиями получения качественного образования.

Кроме того, миграционные устремления в крупные города во многом обусловлены еще и тем, что люди стремятся получить шанс повысить уровень и качество своей жизни. Социальное пространство мегаполисов измеряется не только уровнем дохода и потребления, доступностью социальных сервисов, но и наполненностью жизни, которая «измеряется насыщенностью личного опыта участием в потребительских и социокультурных трендах, креативностью и мобильностью деятельности, а в общем, плотностью сетей и интенсивностью потоков, структурирующих текущее существование людей в режиме дополненной социальной реальности» [2, 52].

В мае-июне 2018 г. в Белгородской и Воронежской областях был проведен массовый анкетный опрос, результаты которого показали, что готовность к отъезду из своего региона на длительный срок или навсегда демонстрируют почти 2/3 опрошенных (среди молодежи – до 9/10) [5]. Хотя полученные данные не репрезентативны применительно ко всей России, но выбранные регионы достаточно типичны, поскольку их экономические и демографические показатели близки к общероссийским. Можно предположить, что принципиально эти цифры не изменились за истекшее время, хотя пандемия COVID-19 и усугубила положение дел. Так, известный американский теоретик Р. Флорида отметил, что города всегда восстанавливались и становились сильнее, чем были. После эпидемии люди стремились в города из-за более высокой оплаты труда и лучших рабочих мест.

Однако стремительный рост населения городов порождает массу социальных проблем, таких как транспортные пробки, городская преступность, различия в доходах, вопросы занятости и лечения, стоимость квартир и т.д., усугубленных «проблемами окружающей среды, принесенные дисбалансом в отношениях человека и природы, т.е. разрушением и загрязнением таких необходимых условий для жизнедеятельности человечества, как вода, воздух и почва» [10, с. 109]. Весь этот комплекс проблем обозначается как «болезни городов».

Пространство мегаполисов заполняют небоскребы, эстакады, супермаркеты, скоростные автострады, делая его все более однообразным и технократичным, словно создавая механическую одинаковость. Трудно, глядя с внешней стороны на современный мегаполис, увидеть культурные отличия различных районов. Городское однообразие, разрушая культуру городов и их память, придает новую форму «болезням городов», которое проявляется в таких психических заболеваниях людей, как бессонница, подавленность, депрессия. С возрастанием однообразия мегаполисного пространства ритм жизни становится более стремительным, образ жизни копируется людьми друг у друга, все более ввергая их в состояние несоответствия желаний имеющимся возможностям. Поэтому вполне обосновано, что в научные сообщества и на публичные арены все чаще выносятся вопросы о возможности и перспективе проектирования «жизни после города», «в частности актуализируются проблемы обратной миграции и дезурбанизации как особого направления пространственного движения населения и соответствующей трансформации образа жизни» [4, с. 55].

Соответственно одной из главных причин дезурбанизации выступают риски и неудобства жизни в мегаполисе и связанные с ними проблемы: «избыточные люди», пробки, преступность, психологический прессинг, экологические кризисы и др. Все это в совокупности с потребностями в качестве окружающей среды и стабильной рекреации вынуждают жителей мегаполисов задумываться о переезде во внегородские пространства. За последние годы в поисках более безопасной локации наметились серьезные изменения, связанные с развитием телекоммуникаций и гибкой удаленной занятости, мобильной медицины и онлайн образования, а также существенный прогресс в технологическом обустройстве быта на современном уровне.

И тем не менее, российское общество продолжает воспроизводить модель «ядро-периферия» как дифференцированного пространственного развития, в которой центр интегрирует наиболее передовые технологические и социальные достижения,

противопоставляя себя огромной периферии – совокупности отдаленных и слаборазвитых территорий с замедленной модернизацией, которая «остается преимущественно источником ресурсов (трудовых, интеллектуальных и пр.) для ограниченного количества точек роста и инноваций в стране» [5, с. 70].

На повестку дня научного прогнозирования выносится вопрос первостепенной важности: возможно ли преодолеть распад гетерогенности формально единого пространства, связанного с процессами урбанизации и центростремительной миграцией в мегаполисы, обустроив российскую провинцию для сохранения человеческого потенциала, социальной и хозяйственной инфраструктуры? Очевидно, что нахождение выхода из данного положения может стать одним из способов, если не разрешения, то смягчения социального кризиса, вызванного целым комплексом факторов общественного развития России.

Библиографический список:

1. Бауман З. Ретротопия / Зигмунт Бауман; пер.с англ. В.Л. Силаевой; под науч. Ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.
2. Иванов Д. В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и повиртуализации // Социологические исследования. 2020. №5. С.44–55.
3. Иванов Д. В. Структуры социального неравенства в условиях глэм-капитализма // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. №4 (81). С. 126-143.
4. Покровский Н. Е. Обратная миграция в условиях пандемического кризиса: внегородские пространства России как ресурс адаптации / Н. Е. Покровский, А. Ю. Макшанчикова, Е. А. Никишин // Социологические исследования. 2020. №12. С. 54-64.
5. Реутов Е. В. Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей Российской провинции / Е. В. Реутов, М. Н. Реутова, И. В. Шавырина // Социологические исследования. 2020. №6. С. 63-71.
6. Романова А. П. Типология гетеротопий и «другое» пространство России // Вопросы философии. 2018. №1. С. 89–95.
7. Российский ученый о том, как пандемия повлияла на людей, экономику, управление государством [Электронный ресурс] // Реальное время. Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/199858-natalya-zubarevich-o-vliyanii-pandemii-na->

[ekonomiku-stranyhttps://realnoevremya.ru/articles/199858-natalya-zubarevich-o-vliyanii-pandemii-na-ekonomiku-strany](https://realnoevremya.ru/articles/199858-natalya-zubarevich-o-vliyanii-pandemii-na-ekonomiku-strany) (дата обращения: 25.04.2022).

8. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2002. 384 с.

9. Численность и миграция населения Российской Федерации. 2021. №1 [Электронный ресурс] // Eastview. Режим доступа: <https://dlib.eastview.com/browse/doc/69912967> (дата обращения: 20.05.2022).

10. Чэ Ю. Использование пространства и болезни городов: взгляд современного марксизма // Социологические исследования. 2021. № 4. С.107-117.

11. Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. Cambridge: MIT Press, 1966. 279 p.

Korol M. P. Hierarchy of Russian spaces or new inequality configurations

The speed of change in the capitals, large industrial cities is increasing faster than in the provinces, leading to the heterogeneity of a formally unified space. The core-periphery model, despite all conditionality, reproducing spatial and socio-cultural differentiation, contributes to a better understanding of the faults and inequalities of Russian society. This model is extrapolated to the understanding of the problem of using the space of Russia as one of the ways, if not to resolve, but to mitigate the social crisis caused by a whole complex of factors of social development.

Keywords: space, «core-periphery» model, center, province, megacities, «diseases of cities», spatial differentiation, migration, deurbanization